

Николай Добронравин,
Проф., Восточный факультет СПбГУ

Бразилия, Атлантический Юг и глобализация

Когда речь идет о глобализации, прежде всего надо сказать, что для так называемого Атлантического Юга (включая Бразилию) эта глобализация однозначно не первая. Безусловно, есть немало стран и регионов, для которых глобализация является чем-то однозначно новым, в положительном смысле или отрицательном (это не так важно), но в любом случае новым. Вряд ли можно сомневаться, что для какого-нибудь Бутана или для значительной части нашей страны глобализация выглядит как некий ужасный фантом, либо в некотором случае реальность, но реальность в любом случае, новая. К Атлантическому Югу это решительно не применимо именно из-за очень своеобразной истории. Потому что, если сейчас, допустим, попытаться просто взглянуть на картину мира, скажем, размышляя о внешнем виде тех, кто его населяет, то можно подумать, что всё устроено удивительно логично и понятно. Чем ниже к экватору, к низким широтам, тем очевидно темнее и кажется, более приспособлены к жизни в низших широтах население. Чем выше, то светлее, и кажется, что всё это выглядит удивительно симметрично. На самом деле эта замечательная симметричность является относительно недавно приобретённой.

Что значит относительно? С точки зрения политического деятеля это почти древность. Но с точки зрения мировой истории это было относительно недавно, а именно в 15-16 веках, когда то, что теперь называется Южная Атлантика, и образовалась. Если Северо-Атлантический мир достаточно хорошо известен (начиная с широко известных организаций, объединений, форм сотрудничества; наиболее известная – НАТО, но не с НАТО это началось и не НАТО закончится), то Юг интерес вызывал менее значительный до самого недавнего времени. Причём не столько по экономическим, сколько по политическим причинам, поскольку все центры принятия политических решений находились до последнего времени исключительно на Севере. В 15-16 веках образуется южная Атлантика благодаря, прежде всего, освоению её с Севера.

И на американском и на африканском континенте мы видим довольно сходную картину. Европейцы, появившиеся с севера, буквально-таки проскакивают тропики и останавливаются в более понятной и приемлемой субтропической зоне. И так начинается реальное государственное строительство и реальная колонизация. Хотя и с разными результатами. Основные действующие лица - это прежде всего португальская колонизация, затем голландская, затем все остальные. Я имею в виду южную Атлантику. Немножечко представлена испанская традиция, хотя это потом даёт любопытные плоды. Ну а все остальные - это более поздняя история.

И уже в 16-17 веке складывается удивительный мир, который на севере складывается только в 19 веке, - а именно: регулярная система сообщений, устойчивая цепочка связей и экономических, и политических, и культурных. Условно говоря, она начинается от атлантического побережья американского континента и заканчивается на территории нынешних Филиппин. И это действует почти непрерывно до конца 19 века, до первой деколонизации. На этом пути было очень много интересного. Поскольку потом возник некоторый разрыв, то многое забыли. Потом многое казалось чем-то новым, хотя в действительности это новое оказывалось забытым или восстанавливаемым старым.

Например. Хорошо известно о португальском присутствии и в Южной Америке и в Африке, и, может быть, несколько меньше, - в Индийском океане. Намного меньше известно о таком экономическом и культурном моменте как постоянная ежегодная регулярная связь на дороге в Индию. Дорога в Индию выглядел весьма оригинально. Начиналась она не в Индии, а в нынешней Японии и продолжалась несколько странскими зигзагообразными путями вплоть до территории южной Африки, дальше до территории

нынешней Бразилии, которой тогда не было, а именно - до территории Португальском Америки, и уже дальше выходила в Европу.

Здесь не нужно преувеличивать роль Европы, поскольку инициатором всего этого были европейцы, заселяли территорию частично европейцы, но дальше система жила уже своей особой жизнью. И никого, например, не удивлял тот факт, что часть бразильских изображений святых резали в Макао (то есть китайцы), и это не вызывало особых проблем, при том, что они могли быть не христианами. Точно так же, с точки зрения того времени, ни у кого не вызывало удивления такое событие как разгром голландских войск на территории современной Бразилии филиппинской армией. Это может звучать несколько анекдотически, но именно так и случилось. Дело в том, что в 17 веке, в период временного объединения Испании и Португалии, окрепшая Голландия пыталась всю дорогу в Индию взять под свой контроль, и на некоторое время ей это даже удалось. Потом силами, опять же представлявшими не Европу, а часть пунктов всё той же дороги, голландцы были возвращены к исходной позиции. И эта система, где-то с португальским, где-то с голландским участием продержалась до 19 века, когда рухнула её американская часть.

Тогда появились первые независимые государства, которые стали довольно быстро забывать об индийской глобализации (глобализации того времени), о тех связях, которые вели через Индийский и далее через Атлантический океан и становились всё более обращёнными в направлении севера. Иллюстрации крайней формы такой направленности на север можно найти и сегодня, если посмотреть на такую интересную деталь как направление авиационных маршрутов, которые бывают довольно забавными. До недавнего времени основные направления внешних связей авиасообщения из Бразилии связывали эту страну с двумя странами, которые воспринимались как подлинные центры мира, и с двумя городами, которые воспринимались как подлинные центры мира. Страны – это США и Франция. Уже конечно не Голландия и Португалия. Эти метрополии были довольно быстро забыты и отвергнуты. Ну а города - это Майямы. С нашей точки зрения Майямы трудно воспринимать как центр мира, ну а для многих в Южной Америке это другой Париж. Ну и настоящий Париж остаётся центром.

После того как рухнула старая система, а рухнула она по самым разным причинам (в конце концов произошло перетягивание связей на север), о Южной Атлантике как о центре не вспоминали. Не было причин. Торговые связи оставались, но они всё время ослабевали. Временами это было связано с разными политическими интересами, временами - с сугубо экономическими обстоятельствами. Ещё какие-то традиции сохранялись до эпохи пароходов. Как только появляется настоящее пароходное сообщение, связи на старой дороге в Индию ослабевают, и уж полностью они разваливаются с появлением авиасообщения. Если до пароходов связь с Южной Африкой всегда осуществлялась через Южную Америку, то пароходы уже снимают эту проблему, а авиация снимает её тем более.

В результате в 20 веке старые традиции стали восстанавливаться иногда с чистого листа. В конце 20 века картина выглядит примерно следующим образом. С одной стороны, переживший массу потрясений после освобождения южноамериканских колоний континент, где реально представлены две атлантические державы. С одной стороны - тропическая Бразилия. И расположенная в более умеренных широтах Аргентина. Две страны, связанные друг с другом невероятно прочными связями и культурной близостью, и воспринимающие друг друга примерно как Россия и Украина или как Россия и Польша, в зависимости от обстоятельств. Идеалы оказываются удивительно сходными, и процессы, происходившие в этих странах оказывались удивительно сходными.

Усиливается волна европейской эмиграции в Аргентину, усиливается она и в Бразилию. Аргентина учится у британцев футболу, и Бразилия учится довольно успешно футболу. В Бразилии начинается массовая протестантизация, если так можно выразиться.

То есть во второй половине XX в. выясняется, что католицизм не отвечает интересам значительной части населения страны. То же самое выясняется и в Аргентине. Это не означает, что все экономические проблемы выглядели абсолютно одинаково. Понятно, что в бразильском варианте циклы сахара и кофе не совпадали в аргентинскими, где сахарный цикл был, а кофейного по техническим (климатическим) причинам не было. Но очень многое совпадает.

И к концу XX в. эти две страны подходят не в одинаковом состоянии. Если в начале XX в. безусловным центром американской части южной Атлантики казалась Аргентина (как более умеренная, более белая и европейская и т.д.), то к концу XX в. лидерство Бразилии становится просто бесспорным. Это видно хотя бы по тому, кто у кого покупает чьи кампании. Аргентинский капитал представлен в Бразилии, но существенной роли не играет. Бразильский захватывает, к ужасу аргентинцев, даже самые традиционные отрасли вроде виноделия, что выглядит с точки зрения аргентинцев ужасно. В футболе ситуация пока тоже не благоприятная для Аргентины, что досадно для аргентинского народа. Причём чувство превосходства у аргентинцев сохраняется, но всё более заметно развивается и повышается самооценка и в Бразилии. За вторую половину XX века в Бразилии не рекламировались и не использовались термины вроде «бразильского чуда», но фактически темпы развития страны были достаточно значительными, и сейчас часть территории Бразилии может быть вполне сопоставима со странами Южной Европы.

И в Бразилии, и в Аргентине имели место процессы концентрации всего и вся. Если в Аргентине провинция Буэнос-Айрес концентрирует уже почти всю экономику, то и в Бразилии всё, что можно, концентрируется в штате Сан-Паулу. Давно уже забыто прежнее величие любимого города Остапа Бендера, потому что сейчас, к сожалению, это просто руины, которые время от времени продают туристам, но только им и можно продать, потому что они наивно смотрят на пейзаж. А реальным центром становится мегаполис Сан-Паулу – один из крупнейших городов мира.

Но если оставить концентрацию всего, то Бразилия развивается намного быстрее, чем соседние страны. Появляются такие конкурентоспособные отрасли, о которых применительно к Бразилии никто и думать не мог. Например, авиастроение (которое в России нельзя назвать процветающей отраслью), тогда как Бразилия со своими самолётами давно вышла и на европейский рынок, и на российский выйдёт, судя по желаниям.

Как всегда, прогресс сочетается с любовью к величию (это, наверное, нормально). Поэтому нет ничего случайного в том, что именно в Бразилии был открыт филиал Большого театра. Что естественно, наверно, в этой ситуации. В 80-е годы расцветающая Бразилия начинает строить космодром. Есть плотины, в строительстве которых принимали участие и наши предприятия, в том числе из Санкт-Петербурга. И по сей день участвуют «Силовые машины». Космодром не удаётся достроить до конца. Последним, кто обещал его достроить, был бывший президент Украины, который обещал, что украинская экономика построит то, что не смогли Соединённые Штаты. Но на этом и остановились.

Но это Южноамериканская сторона. Если говорить об Южноафриканской составляющей Южной Атлантики, то здесь тоже всё далеко не однородно, и, пожалуй, даже более разнообразно, потому что южноамериканская сторона представлена реально тремя странами: Аргентина, Бразилия и Уругвай. Уругвай в начале XX в. был процветающей страной, но с тех пор на нашёл своего места в жизни. Вероятно, на одном мясе выжить нельзя. Банковским центром мирового масштаба он так и не стал, как и туристическим. Хотя уругвайцы с большим удовольствием открыли музей Второй Мировой войны. Музей Второй Мировой войны есть в воевавших Бразилии и Уругвае. Но нет такого музея в Аргентине, которая присоединилась к антигитлеровской коалиции в конце апреля 1945 года (не успели и не хотели). Уругвайцы, естественно, связывают

надежды с подъёмом германского корабля, который затонул во время Второй Мировой войны недалеко от побережья.

С африканской стороны разнообразия намного больше, прежде всего - по числу стран, но также и по обстоятельствам. Освоение этой территории начинается с юга, а юг - это прежде всего Кейптаун, который до парохода и самолёта был той точкой, миновать которую было невозможно ни на пути в Индию, ни на каких-либо ещё путях из Атлантики куда-либо на Восток. С голландских времён (это район голландского первоначального освоения) прежде всего Капштадт, а затем и вся Южная Африка, дали удивительную картину, которой в мире больше нет. Это наследие старого индийского пути, и в результате на территории Южной Африки обнаруживается и коренное население (чёрное и не совсем чёрное, я бы сказал, почти монголоидное). Местные - люди, которых раньше звали бушменами и готтентотами, но теперь эти названия считаются политически крайне некорректными, их желательно наименовать «кокойнами» и «санами». Но кроме аборигенов, есть и колоссальное по численности европейское население, составляющее в некоторых районах более половины населения (и всегда составлявшее, надо сказать). В том числе - единственный коренной народ условно европейского происхождения, известный у нас чаще всего как буры, но сам себя называющий попросту африканцами, т.е. африканерами. Затем индийцы, переселившиеся из Индии, естественно, из будущего Пакистана. Среди них прославился такой замечательный человек как Махатма Ганди, начинавший не как индийский политический деятель, а как южноафриканский. В довершение к этой экзотической картине, – малайцы. Представить себе Южную Африку без малайской культуры, кухни, малайских оркестров, а теперь и без малайского капитала довольно трудно.

У нас об этом вспоминают реже, потому что в советско-российской парадигме вся жизнь Южной Африки - это борьба белых и чёрных. Хотя реальная картина всегда была намного сложнее. Контакты с внешним миром на дороге приносили много и других влияний, результаты были самые разные. По сей день малайские оркестры в Южной Африке исполняют на малайском языке «Боже, царя храни» как свою песню (освоили по пути, так как русская традиция кругосветных плаваний тоже оказала некоторое влияние).

Из других стран Южной Атлантики с африканской стороны - чем ближе к Южноафриканской Республике, тем благополучнее. Никаких сомнений, что такие страны как Намибия, и континентальная, но всё равно фактически связанная с Атлантическим океаном и принадлежащая к той же экономической, политической и культурной зоне Ботсвана, - эти страны вполне по уровню развития, по благосостоянию, по самооценке сопоставимы отнюдь не с Россией. Если сравнивать все имеющиеся показатели, то скорее, эти страны ближе к Португалии, а часто и лучше.

Обычное российское объяснение в случае с Намибией звучало примерно так: да, у них всё хорошо, потому что там очень много белых, особенно немцев. Это объяснение очень любят в Германии, потому что немцы Намибию и создавали. Реально ситуация сложнее, и сейчас основная часть экономики, а тем более политической жизни, контролируется чёрным большинством. К Ботсване же и эта характеристика неприменима, потому что никакого крупного европейского населения не было, но стране очень и очень повезло. Оказалось, что алмазы, при грамотном использовании, - это счастье. Есть страны, как Россия, где «АЛРОС» процветает, но никак не чувствуется, что это касается всей страны. Ботсвана - почти моноэтническая страна, где народ возглавлялся долгие годы одним-единственным верховным вождём, который был прирождённым демократом, потому что никакой традиции собственной государственности у этого народа не было, потому что его вечно притесняли все соседи, которые могли притеснять. И в результате возникло государство (не знаю, можно ли сравнивать с некоторыми странами Ближнего Востока) по семейственности, по дружественности отношений (частично это касается и Намибии). Но в этих случаях не возникало коррупции. Дружеские отношения не переходили в массовый грабёж. Может быть потому, что в густонаселённой в

региональном плане Намибии всего лишь два миллиона жителей, включая всё белое население. Люди как-то умели договариваться. Проблемы и в Намибии, и в Ботсване очень часто связываются с нежелательной миграцией. Эта нежелательная миграция чаще всего оказывается «чёрной».

Чем дальше на север, тем, в основном, хуже. Ситуация еще неплохо выглядит, особенно в последние годы, в Анголе. Ангола нам, прямо скажем, не чужая, потому что исторически судьба Анголы теснейшим образом связана с колониальной метрополией - с Португалией и с Бразилией, которая также оказала огромное влияние. А с 60-х годов трудно отрицать, что без советского, а затем и российского присутствия этой страны в её нынешней форме просто не было бы. В последние годы стали публиковать цифры: сколько в 60-е годы Советский Союз вкладывал в национальное освобождение Анголы (суммы никогда не доходили до миллионов долларов, но всё равно были всегда значительными). А уж после 1975 года Ангола просто имитировала всё что можно из социалистического лагеря. С одной-единственной оговоркой. В то время, как она освобождается, освобождается и её геология. С середины 70-х годов начинается настоящая добыча нефти на шельфе. Добычу осуществляли в основном американские компании, но потом появляются французы. В наши дни появляются бразильцы и китайцы. В 70-е -80-е годы средства, вырученные от добычи американцами нефти на шельфе, шли на поддержку марксистского правительства, которое решительно боролось с тем, кого финансировали (уже намного скромнее) США, но уже не за счет нефтедобычи.

Естественно, ту же добычу приходилось охранять, и доблестные марксистские войска охраняли американскую нефтедобычу. В 2002 г. всё это закончилось, когда стало ясно, что денег очень много. А все, кто возражал против нынешнего режима, который до сих пор воспринимает себя как марксистский (левый или народно ориентированный), находились в тех местах, где денег не было. Наконец всем удалось договориться. Все получили некоторую долю пирога, но, в отличие от южноамериканской стороны Южной Атлантики, от Намибии и ЮАР, в Анголе мало реальных проектов и много тяги к гигантомании (тяга к строительству гигантских ГРЭС, видимо, унаследована от нас). В строительстве этих электростанций принимали несколько раз участие наши специалисты (вместе наши фирмы из Петербурга, Волгограда, бразильцы и местная рабочая сила). Реально основная часть экономики - это либо нефть, либо алмазы.

Дальше на север лучше не вспоминать, потому что начинается Конго и рассказы о «могиле белого человека» Временами они могли быть вполне обоснованы, особенно если вспомнить, насколько хаотично оба Конго (их два: бывшее французское и бывшее бельгийское) развивались. По самым последним характеристикам и экспертным оценкам, в принципе, бывшее французского Конго, которое больше выходит к Атлантическому океану, повторяет путь Анголы. Нефти много – всё что нужно, чтобы страна (не некоторая часть страны) жила хорошо. Это значит - чтобы всё добывалось, всё продавалось, и по возможности не взрывали. В результате процветают несколько прибрежных городов и несколько кварталов столицы. Всё остальное существует как Бог на душу положит. Там это ещё заметнее, чем в Анголе. Попыток как-то распределить доходы по территории страны не наблюдалось.

Дальше - относительно стабильный Габон, который стал добывать нефть раньше, чем Конго и Ангола. А дальше - две страны с экзотической судьбой, о которых у нас не принято вспоминать из-за их экзотичности. Это островные Сан-Томе и Принсипи – бывшая португальская территория. И Экваториальная Гвинея - небольшой анклав на африканском материке – бывшая испанская территория. Судьбы обеих стран являются типично южно-атлантическими. Потому что Сан-Томе и Принсипи одно время имела единую католическую епархию с частью территории нынешней Бразилии (то есть в 17-18 веках никого не смущало, что епископ должен управлять паствой на довольно удаленной территории, и похоже, что действительно управлял). Что касается Экваториальной Гвинеи, то начало её истории связано вообще не с Испанией. В 18 веке ни с того ни с сего

испанские правители будущей Аргентины возымели желание поактивнее заняться работорговлей и вообще прикоснуться к трансатлантическим связям и отправили несколько кораблей на завоевание острова Фернандо-По. Так началась испанская история Экваториальной Гвинеи, которая всегда была не совсем Африка, а нечто промежуточное. Насколько она по сей день остаётся промежуточной, можно судить по тому, что нынешний посол Экваториальной Гвинеи в нашей стране представляет не чёрное большинство, а белое испаноязычное меньшинство. Интересно, что там возникло такое явление как русский язык в качестве «секретного» языка элиты. Причем язык этот не лучшего качества, так как говорящие на нем учились, например, в Рязани – десантное училище, еще какие-то центры, не то чтобы слишком интеллектуальные. Затем возникла страсть к переименованию всего, что можно, включая сам остров Фернандо-По по имени президента, что, наверное логично. Так остров Фернандо-По стал островом Марсиа Сан-Гемона - по имени президента.

Какое-то время страна воспринималась как ещё один постколониальный кошмар, по сути, таких было достаточно. Но в конце 90-х годов всё изменилось невообразимым образом. Невообразимым, потому что применительно ко многим африканским странам статистику лучше не смотреть. Применительно к странам СНГ она, кажется, тоже не всегда так уж достоверна. Но Африка, наверное, здесь занимает первое место. Но что несомненно, так это то, что цифры роста ВВП применительно к Экваториальной Гвинее отражали реальность. Были ли ещё страны в конце XX в., которые давали бы прирост 5000 процентов? Понятно, если у вас сначала хижина, в которой вы храните деньги, а потом начинаете нефтедобычу, то такой эффект на отдельной территории вполне возможен. Сравнивать в данном случае нужно не с Российской Федерацией, а с конкретным участком Ханты-Мансийского округа. То есть Уренгой до и Уренгой после.

Современная Экваториальная Гвинея развивается стремительно. Правда сложности с тем, что это не одно-, а двунациональное, двуэтническое государство. Материк и остров представлены разными этническими группами, которые друг к другу не очень хорошо относятся. Но зато есть значительная по численности работающая эмиграция, которую можно использовать на всех работах. То есть деньги внешние, рабочие внешние, а местные жители остаются политическим руководством и будут выяснять, кто из них более ценен для правительства Экваториальной Гвинеи. Рекламные ролики Экваториальной Гвинеи можно видеть, кажется, так же часто, как рекламу вполне приличного европейского центра. Пожалуй, даже чаще, поскольку приходится себя рекламировать намного активнее.

Дальше на север нефть уже в российском варианте. Если речь идёт о Камеруне или - особенно - о Нигерии, то это Россия в тропиках. То есть экономика развивается за счёт того же шельфа, но, в отличие от Анголы и Конго, эти страны достаточно густо населены. Особенно Нигерия, где численность скоро достигнет российской. Большой части населения страны не достаётся ничего, а желание что-нибудь получить - большое. Одно из оппозиционных движений Нигерии - как раз из тех, кто лишился земли из-за нефтедобычи на побережье. Маленькая этническая группа подсчитала, что если бы «Шелл» с ними честно делилась, то у каждого взрослого мужчины из этой стотысячной этнической группы был бы «мерседес». Но «Шелл» совершенно не собиралась с ними делиться, потому что она делилась с правительством. Все попытки добиться более честного распределения просто кончились кровопролитием. Несколько человек было в результате повешено, включая одного выдающегося нигерийского драматурга и одного нигерийского этнографа, обучавшегося в нашем городе.

Дальше – Острова Зеленого Мыса, но теперь переводить их название на русский язык – неполиткорректно, поэтому назовем их Кабо-Верде. У этого государства - необычная судьба, а именно - присоединение к тому экономическому и политическому сообществу, в которое Россию пока даже не звали, то есть - к Европейскому Союзу. Вот такая парадоксальная ситуация. С 2005 г. началось серьёзное обсуждение. Причём

выяснилось, что есть лоббирующие силы, в первую очередь - Португалия, которая рада видеть свою бывшую колонию в членах Евросоюза. Как это вообще могло получиться, учитывая большое расстояние? А как же Украина? По прогнозам, в лучшем случае, Кабо-Верде окажется в ЕС через пятнадцать лет, что тоже неплохо. То, что это обсуждается на самих островах, довольно очевидно. Во-первых, сама идея присоединения к ЕС каких-то островных территорий в Атлантическом океане, не кажется такой уж странной, если вспомнить, что такие территории там уже есть. Никого не удивляет включение Азорских, Канарских островов и Мадейры, хотя расстояние до них ничуть не меньше. Затем - культурные связи, специфика истории Кабо-Верде. Эта территория, в отличие от других частей Африки заселялась только после европейской колонизации, и никакого доевропейского аборигенного населения там нет. Чёрное население никого не смущает, потому что чёрное население преобладает и во многих районах Европы. И во Франции, и в Великобритании достаточно мест, где белого населения не так уж много. Так что тут расовый принцип никак не действует. Сами острова не могли составить для Евросоюза никаких проблем, учитывая, что население там - около четырёхсот тысяч человек, а диаспора в Европе - более миллиона. Кабо-вердианцы до недавнего времени являлись чуть ли не основной чужой диаспорой в той же Португалии. В начале этого десятилетия ситуация изменилась, потому что первой по численности диаспорой стала русскоговорящая. Первой рабочей диаспорой являются украинцы. Это произошло довольно быстро. Как говорят португальские коллеги, они даже опомниться не успели, как на место кабо-вердианцев пришли другие люди и другие грустные песни из другой части мира.

В конце 90-х годов всё больше и больше звучит, что есть некая «отрицательная глобализация». Когда и в Южной Африке, и в Бразилии говорят о глобализации, имеется в виду нечто переориентация всех связей на Соединенные Штаты. Даже не на Европу, а на Соединённые Штаты. Поэтому это плохо. Хотя во многих случаях это не очевидно, но как идея - присутствует. И с 1991 г., начиная с нескольких антиглобализационных конгрессов, где первую скрипку играла Бразилия, всё чаще и чаще звучит тема объединения усилий. Это не называется восстановлением старой индийской дороги, но практически это выглядит так. Выдвигались самые разные проекты объединения сил и создание некоего единого Юга. Причём этот единый Юг всё более напоминает старые очертания. В этот Юг никак не входит Ближний Восток. Он вполне совпадает с традицией старого пути древней южной глобализации. Среди участников, разумеется, называют страны атлантического побережья Южной Америки (скажем, три). Реже упоминают о более северных странах, таких как Венесуэла. Чаще говорят: Бразилия, Аргентина, Уругвай. Потом бывшие португальские колонии в Африке, начиная с Кабо-Верде и заканчивая Анголой и Мозамбиком. Затем бывшие британские территории. Дальше - по всё той же модели, то есть Индия, Индонезия и, разумеется, Китай. Япония теперь не упоминается.

Появляется аббревиатура BRAC, которая теперь встречается в бразильских изданиях: Бразилия, Россия, Австралия и Китай. Реально это не представляет собой ни в кое мере блок, хотя бразильские политологи очень любят рассказывать, как они построят эту систему, в которой главной, разумеется, будет Бразилия. Но это их точка зрения. Правда, не всех успели спросить, хотят ли они входить в такой блок. Практически же всё больше и больше укрепляются связи, начинающиеся от Бразилии и идущие через Южную Африку вплоть до Китая. Иногда можно увидеть еще одно сокращение, что уже явная пародия - G-3. Т.е. надежда, что «семёрке» или «восьмёрке» можно что-то противопоставить.

Временами это удивительно напоминает нашу историю. Мне, например, это больше всего напоминает академика Примакова. То есть хорошо бы собраться на троих и противопоставить себя «золотому миллиарду» или кому-нибудь ещё. G-3 становится всё более экономически ощутимым, во многом за счёт присутствия Китая во всех

упоминаемых странах. Теперь – еще и за счет активизации Индии. В Бразилии тоже обстоит всё относительно неплохо. Связи стали восстанавливаться курьёзным образом. Например, восстанавливается авиасообщение, и в результате появляется устойчивая связь: Бразилия - Южная Африка – Индия – Индонезия. Иногда связь устанавливается другим образом, например, за счёт активизации капитала (во многом государственного) из таких стран как Малайзия и Индонезия. В результате малайский капитал представлен в алмазодобыче Намибии. В Анголе активно представлены бразильцы и китайцы сразу.

В принципе, глобализация для этого мира - это плохо. Есть желание создать нечто новое и единое. Поэтому это новое и единое удивительно напоминает временами старое, чуть ли не времён королевы.

Вопросы:

Виктор Пересада: Временами мы слышим рассказы чуть ли не о гуманитарной катастрофе в Афримасаи. Там масаи кого-то убивают. В Ваших же рассказах там всё так хорошо развивается, все блестяще.

Ответ: У кого все блестяще? О масаях я бы не стал так уж заботиться, они относятся к числу наиболее процветающих народов Восточной Африки благодаря невообразимому грабежу туристов, особенно в последние годы. Но это не относится напрямую к нашему сюжету.

Что касается тех стран, о которых шла речь: все они обращены к Атлантике. Там если что-то процветает, то процветает на атлантическом побережье. У Конго процветает только то, что связано с нефтедобычей. Некоторые страны, как, например, Намибия, никогда не сталкивались ни с какой гуманитарной катастрофой, они и помощи никогда никакой не получали. А Кабо-Верде, имеющее средний уровень развития, не имеет даже права получать гуманитарную помощь. Скорее Россия в некоторых случаях могла на нее претендовать. В любом случае нельзя сравнивать, например, с Таджикистаном.

Другое дело, что есть ситуации вроде нигерийской, когда при очень большом населении очень маленькая его часть живёт если не как средний олигарх, но очень хорошо живёт. В таких случаях проблем возникает много, но они решаются. В нигерийском варианте они решаются за счёт колючей проволоки. Очень популярным становится пуленепробиваемый автотранспорт. Но это когда совсем не удаётся договориться. В тех же случаях, когда и белое, и чёрное население хоть как-то находят взаимопонимание, и более того, доходы значительные, как, например, в Сан-Томе и раньше в Экваториальной Гвинее. Да нет там гуманитарной катастрофы.

Лев Савулькин (Леонтьевский Центр): У меня два вопроса: частный и глобальный. Насколько устойчива та конструкция, которая пропагандируется бразильскими политологами? И не могли бы вы рассказать о похождениях господина Гайдамака в Анголе?

НД: О похождениях не могу рассказать, я бы сказал он не единственный. Подробности не могу комментировать, поскольку этой темой специально не занимался. Таких было много, почему-то традиционно это дети элиты, младшая поросль политиков: сын Миттерана, сын Тэтчер. Они были даже заметнее, чем Гайдамак. Потому что как только началось стремительное обогащение Экваториальной Гвинеи, Тэтчер-младший почему-то решил свергнуть там правительство на всякий случай. Но не успел, потому что там было уже очень много денег. Это не редкий случай.

Что касается Гайдамака, то гражданство у него ангольское, но не только: израильское и, вероятно, французское. Российское должно быть, наверное.

Савулькин: Владелец «Московских новостей».

НД: Гайдамак - это не редкий случай. Просто разные уровни присутствия. Естественно, быстро богатеющие страны да еще и со сложными внутренними взаимоотношениями дают иногда мелкое, иногда крупное присутствие. Мелкое выражено небольшими компаниями разного рода: либо разбойники, либо лётчики. Я не знаю страны Африки, где бы не было российских лётчиков. А дальше начинается уже другое. Если это, например, так называемые «кровавые алмазы» (вполне официально используемый термин), то там представлены все, кто может быстро бегать.

Савулькин: Гайдамак там имеет такое влияние, что он может открывать любую дверь.

НД: Это верно, но он не единственный.

Савулькин: Абсолютно единственный. Потому что он в свое время обеспечил их полностью оружием, с сыном Миттерана на паях.

НД: Это Вы об Анголе.

Савулькин: Да. Но теперь он там чуть ли не лучший друг.

НД: Не «чуть ли», а безусловно друг. Реальный вполне друг. Более того, такого рода дружба привела к парадоксальным результатам. Насколько я понимаю, Ангола - единственная страна, которая ведёт активную культурную политику в России. Я больше таких африканских стран не знаю. Она рекламирует здесь пока еще не образ жизни, но традиционную ангольскую культуру, и финансирует, надо заметить.

Кто-нибудь может быть даже позавидовал, но Ангола оплачивает поездки ангольских учёных в Россию для пропаганды ангольского уровня развития.

Ангола оплачивает самые разные, я бы сказал, развлечения. Вплоть до, например, строительства студенческих общежитий для ангольских студентов по всему миру. В России пока не платали, но в таких довольно необычных местах как Хьюстон и Даллас, т.е. деньги на это есть.

Ангольский вариант не лучший, потому что, в отличие от Намибии, видно, что «плёнка» не распределяется по всей территории страны, и многих это не касается. Ангола, пожалуй, напоминает ту же Бразилию с чётким делением на побережье и так называемую внутреннюю часть. А внутренняя часть - это всё что хуже. Но люди, похожие на Гайдамака, есть практически везде. Нормальная африканская страна должна иметь своего Гайдамака. В Намибии - Лев Леваев, например, пока ещё не самый близкий друг, но уже очень близкий. В Либерии и Кот-Д'Ивуаре тоже уже есть (трудно сказать, российские они, израильские или пан-европейские – трудно определить, кто это теперь), но всегда кто-то должен быть. Если не находится приличного европейца, то это будет приличный ливанец. Это как бы второй слой, когда уже совсем плохо. Ливанский представитель должен быть всегда. Так что это ситуация нормальная, просто Гайдамак нам ближе. Это может быть представитель нашей страны или Евросоюза. Это человек, связывающий север и юг, глобализатор в чистом виде.

Владимир Шеров (СПбГУ): Не анализировали ли Вы, насколько Игнасио Да Сильва удалось выполнить свои предвыборные обещания (накормить бразильцев, чтобы ели три раза в день, он это обещал в 2002 году и на этом победил)? Не могли бы Вы охарактеризовать отношения бразильского президента, с одной стороны, с антиглобалистами, а с другой – с другими двумя яркими фигурами Южной Америки: Уго Чавесом и Эво Моралесом? Этот треугольник что-то даст, или просто каждый сам по себе будет фрондировать?

НД: Ситуация довольно любопытная. Во многом это будет внешний взгляд, поскольку я специальными исследованиями не занимался. Но надо сказать, что бразильские социологи (не знаю, можно ли сравнивать их с российскими) продукции выпускают довольно много. Довольно легко можно увидеть публикации, в которых они систематически описывают портрет нормального голодающего бразильца (где он еще есть и где его нет). Или портрет бразильской коррупции. Не знаю, финансирует ли у нас правительство портрет коррупции, но у них финансирует, что не препятствует коррупции в самом правительстве.

Дмитрий Травин (еженедельник «Дело»): Интересно, есть ли в таких исследованиях, финансируемых правительством, элемент коррупции. Т.е. социологи дают «откат» тому министру, который заказывает такое исследование.

НД (смеется): Честно говоря, иногда у меня мысль об этом возникала, потому что исследования бразильской коррупции выпускаются большим тиражом и великолепно изданы. Как мне кажется, российские социологи выпускают свои работы на не очень хорошей бумаге.

Шеров: Т.е. такой промоутинг коррупции, на самом деле...

Савушкин: Это борьба одного клана с другим... Один министр на другого...

НД: Список министров, конечно, не указывается, но список штатов... и даже более подробная характеристика дается.

Что касается предвыборных обещаний, то их дают все. С политической точки зрения все лозунги остаются в силе, но реально существует несколько программ. Например, программа «голод ноль» - накормить семьи, несколько таких известных программ. Частично программы реализовывались. Попытки перераспределять средства были. Причём это сопровождалось таким замечательным лозунгом: «побережье должно делиться». Мысль интересная. Внутренняя часть страны и так обделена, причём не обязательно ресурсами. Её обделённость может быть в другом. Скажем, бразильская традиция предполагает, что у каждого приличного города должен быть свой пляж хотя бы за сто - сто пятьдесят километров. То есть люди в субботу ездят на пляж даже за сто километров, это впечатляет. У нас ничего похожего на такую традицию нет. Но потом начинается настоящая внутренняя часть, откуда ни до такого пляжа не доедешь. Это и есть несчастные. У Петербурга, наверное, ситуация лучше, но нельзя сказать, что за Псковской областью записан какой-то пляж, и кто-то о нём постоянно мечтает. Ну Крым, наверное, но это уже другая ситуация.

В экономическом плане удивительно сочетается финансирование антиглобалистов в любой форме, особенно когда они собираются и весело поют. Это наиболее типичная ситуация. А с другой стороны - классическая политика предыдущего правительства и свой Чубайс. Как везде должен быть свой Гайдамак, так должен быть и свой Чубайс. И в Бразилии есть свой бразильский министр экономики, сейчас он, кажется, министр финансов - Антонио Палосси, который и называется главным неолибералом. Соответственно, антиглобалистские силы довольно регулярно напоминают, что его голова им пригодилась бы на шесте во время какого-либо празднования. Это образно, конечно. Реально всё идёт как шло. Как концентрировалась экономика в Сан-Паулу, так и концентрируется. Как разваливалась экономика в некоторых районах, так она и разваливается. Как не достроили Трансамазонскую магистраль, так она недостроенная и стоит. У всех должен быть свой БАМ, у кого лучше, у кого хуже. В бразильском варианте дорога ниоткуда в никуда. Она не вдоль Амазонки, она пересекает часть Амазонии, к Амазонке выходит одна из трасс. Основная трасса выглядит очень странным образом. Примерно от боливийской границы до Атлантики. Новая мечта выглядит так: сделать Бразилию Тихоокеанской страной. Но теперь не за счёт завоевания кого-либо, а за счёт строительства большой современной дороги из Бразилии через боливийскую и

перуанскую территории, которая, если она будет построена, облегчит получение китайских товаров.

В Бразилии мысль о железной дороге исчезает уже в сороковые годы прошлого века и потом почти не восстанавливается. Есть несколько веток, но в принципе ничего солидного нет. То есть в экономике всё то же неолиберальное... не знаю можно ли употреблять этот термин, потому что в южноамериканском варианте говорят: «такой-то – неолиберал». Это означает, что сейчас ругаться будет. В российском варианте все-таки до этого не доходит. Но там это признак: неолиберал-капиталист-глобалист, дальше драка.

Что касается взаимоотношений с Венесуэлой – они самые тёплые, на уровне объятий, взаимопонимания, разговоров. С Боливией - самые скверные. Здесь никакого значения не имеет идеологическая составляющая, совсем другая основа. Потому что Боливия сейчас стала крупнейшей газодобывающей державой, и большая часть инвестиций туда вложила Бразилия. И после того как инвестиции были вложены, молодое почти революционное боливийское правительство решило всё это национализировать. Ну и как к этому относиться? Естественно, отношения ухудшились очень быстро, и Бразилия поддерживала отнюдь не левых. Так что Моралес никак не значится среди друзей.

Среди друзей значится ФАРК. Постоянно с регулярностью раз в несколько месяцев всплывает очередной рассказ о том, как революционные силы Колумбии привели Лулу власти. Это постоянная тема, и постоянно в ответ следует рассуждение о том, что Бразилии было достаточно своих денег, кроме колумбийского наркотрафика или революционных денег. Но эта тема так и висит. Насколько это реально, можно будет узнать, если они действительно когда-нибудь придут к власти. То есть с Венесуэлой всё хорошо, с Боливией всё плохо.

Савулькин: А в боливийский газ вкладывала государственная кампания?

НД: «Петробраз» это очень любопытная кампания. В 50-е годы даже была так называемая «борьба за нефть», когда президент Варгас создал компанию. Когда началась добыча нефти эту кампанию пытались зарубить тут же, в том числе и с участием внешних сил. В конце концов Варгас покончил с собой, но кампания сохранилась. И по сей день она считается символом суверенитета. Трудно представить, как можно её легально приватизировать. Но я должен сказать, что так получилось... мне пришлось, прошу прощения, пить с коллегами из «Петробраз», достаточно высокопоставленными, и от них я впервые услышал от них достаточно иные рассказы. А именно: на самом деле кампанию никак нельзя считать чисто государственной. Фактически кампания акционерная, и реально около 15-ти процентов принадлежит нескольким американским компаниям. То есть ситуация более сложная. Простому бразильцу кажется, что это... У нас что это было бы? Компания, которую нельзя... У нас есть любовь к «Газпрому»?

Савулькин: Есть.

НД: Не уверен... Может быть присутствующие могут назвать компанию, которую нельзя отдавать врагу?

Реплика из зала: ФСБ.

НД: Это неприватизируемо.

Пересада: Авиапром.

НД: Скорее авиапром. Если искать соответствие, то у нас это космическая отрасль её нехорошо распродавать.

Ирина Елисеева (СИ РАН): Вы сказали, что глобализм для Бразилии отождествляется с влиянием Америки, негативным влиянием.

НД: Та же ситуация, что и с антиглобалистскими лозунгами и реальной экономикой. В лозунгах США враг. Почти официальная точка зрения, что если не удалось запустить первый бразильский спутник, то виноваты американские шпионы. Не знаю, где они их нашли, но после этого позвали украинцев. Реально эти лозунги ничуть не препятствуют

развитию экономических связей. Влияние было настолько колоссальным, что в самом развитом штате Сан-Паулу, исчезла старая народная музыка. Музыка, которая теперь называется народной песней, это стиль кантри. То же самое и с родео. Я подозреваю, что через полгода здесь запустят сериал (о родео), который достаточно успешно прошёл в Бразилии. Нормальное бразильское родео выглядит точно так же как и американское, потому что на тот рынок оно всю и ориентировано.

Это касается и Южной Африки: очень часто можно услышать антиглобалистские лозунги в официальной пропаганде. Официальная пропаганда обвиняет Соединённые Штаты даже в искажении ситуации со СПИДом. До недавнего времени официальная точка зрения была следующая: СПИД - это вымысел американских фармацевтических корпораций. Её сам президент пропагандировал до самого недавнего времени. По-моему, кончилось это тем, что уже 25-30% взрослого населения оказались ВИЧ-инфицированными. После этого потихонечку возникла мысль, что, может быть, это не только проклятые американцы виноваты.

Савулькин: Я слышал, что в ЮАР иностранные кампании должны делиться и продавать акции коренному населению. Как это развивается и к чему это приводит?

НД: Это ни к чему плохому не приводит. Это не только в ЮАР, эта политика действует и в Намибии и в Зимбабве, только результаты разные. Худший вариант Зимбабве, хотя она с Атлантикой не связана, хотя всё равно с ЮАР связана - внутриконтинентальная страна, где речь идёт если не об экспроприации, то об очень грубом дележе. В российской ситуации тоже хорошо известно, как можно делиться грубо. Южноафриканский вариант, как и намибийский, вполне понятен: да, менеджмент, в руководстве любой компании должны быть представители «ранее угнетенного большинства» (официальный термин), которое теперь не должно быть угнетённым. Это совсем не означает, что кампания уничтожается. Фактически во многих случаях это означает, что должны быть люди, которые получают доход от деятельности компании, и они должны быть того цвета, какого должны быть. Тут даже не в цвете дело. Разве нам не известны такие модели? Проще говоря, должна быть правильная «крыша», должны быть нужные люди. Очень часто они представляют не абстрактно всё черное население, они представляют новый довольно любопытный слой - элитный. Что касается промышленности, то это нормально работает. Хуже это работает в интеллектуальных сферах и совсем плохо в сельском хозяйстве. В интеллектуальных сферах получилось, что люди ранее угнетённые с дипломом склонны занять все места, которые ранее занимали угнетавшие. Качество университетского образования от этого падает, и получаются забавные результаты. Знаю, как это выглядело в ЮАР. Не только ранее угнетавшие, но и многие ранее угнетённые уезжают в те страны, где можно найти нормальный университет, например, из ЮАР в Ботсвану, где нет политики с ранее угнетавшими, потому что там их просто не видно.

И совсем плохо в сельском хозяйстве, потому что сельское хозяйство было с очень большой концентрации. В Намибии 75 процентов обрабатываемой земли принадлежало 5 процентам населения, почти исключительно белого. В Зимбабве ситуация была немногим лучше. Всё это индустриальное хозяйство даёт значительное продовольствие стране. А с другой стороны, есть большая часть населения страны, фактически большинство, которым и земля вроде бы нужна, но никакого промышленного уровня её освоения они дать не могут. Замбабвийские табачные плантации, что с ними делать? Там, где был один фермер, появляется пятнадцать тысяч чёрных. То есть не получается такого же уровня освоения. Но с другой стороны, надо сбрасывать куда-то накопившееся недовольство (раньше можно было рассказывать о ранее угнетавших), и начинается грубый делёж. Самый грубый - в Зимбабве, где появляются так называемые «ветераны освободительной войны», которым иногда лет меньше, чем самой освободительной войне, и они начинают «пилить» территорию какого-нибудь фермера.

В ЮАР никаких захватов не было, поскольку там более внятная система правления, чем в Зимбабве, и как-то справляются.

Савулькин: А как с покупкой акций коренным населением? Может быть, не у всех «ранее угнетенных» есть деньги?

НД: Никто не предлагает всему угнетённому населению покупать акции. Один из бывших угнетённых, которого я недавно видел здесь, активно внедряется в «АЛПРОСУ» – полетел в Якутск договариваться. Такие люди начинали, когда Мандела ещё сидел в тюрьме. Потому что идея поделиться возникла сначала не там, а у предыдущего «белого» режима, чтобы хоть какую-то прослойку создать стабильную. Да и делёж сельских земель возник при прежних режимах, когда возникла идея, что немножечко нужно дать, чтобы люди успокоились. И как тогда происходило это по-дружески, так и тем более теперь. И в ЮАР никто, насколько я знаю, не издавал никаких «атласов коррупции», не было необходимости. Состоятельные люди представлены, но не делятся они с какими-то Соуэто... Соуэто – это район, который фактически является многомиллионным городом, который как был центром неизвестно чего, так и остался, там кроме наркотиков ничего же нет.

Андрей Алексеев (СИ РАН): Скажите, пожалуйста, о BRIC. Я правильно понял, что бразильская мечта, амбиция связывается больше с будущим, чем с настоящим?

НД: Скорее пока это мечта. Правда, мечта, активно внедряемая. Идея объединенной Европы возникла до Евросоюза. Как мечта она пропагандируется политическим классом, это не маргинальный сюжет. Как и идея о том, что, объединившись, можно чувствовать себя лучше, это не маргинальный сюжет. Хотя это может совершенно не иметь никакого отношения к практическим сюжетам. Единственная реальная составляющая: то, что бразильцы всё чаще связываются с Южной Африкой, восстанавливая или развивая связи на атлантическом африканском побережье. С другой стороны - всё больше китайских товаров. Китай всё ощутимее и ощутимее. Вопрос, нужна ли Китаю эта схема, это другая история.

Савулькин: А в каком отношении это находится с южноамериканской интеграцией?

НД: Сейчас основная дискуссия о формах объединения (в основном, экономического) идёт дальше. Идёт ли речь о расширении чего-то вроде НАФТА... Если я не ошибаюсь, общая для всех концепция - АЛКО – я не помню точно сокращения... В этом варианте это получается полностью панамериканским. Или то, что предлагал Лула: остановиться только на Южной Америке и лучше никакую Мексику не включать. Здесь общность языка (я имею в виду не Бразилию, а испаноязычные страны) уже роли не играет, потому что возникает мысль: Мексика - это уже практически Соединённые Штаты.

Савулькин: А Чили?

НД: Чили - вторая после Мексики страна, которая получила статус наблюдателя в НАФТА или что-то в этом роде, и всё время пользовалась дополнительными возможностями и льготами в отношениях с теми же США, и выглядит вообще не совсем правильно на общем латиноамериканском фоне, то есть предпочитает развиваться самостоятельно. Хорошо это или плохо для всех, это вопрос уже другой. Чили везде оказывается скорее наблюдателем. Но в Тихоокеанском Форуме она представлена. Вообще-то говоря, так действуют все. Никакого южноатлантического союза,

сопоставимого с Североатлантическим партнёрством, конечно, до сих пор нет, но желания такие есть.

Андрей Столяров: Насколько легко пересекать государственные границы в этом регионе? Людям, товарам?

НД: Товарам - легко, особенно в последнее время. Во всяком случае, легче, чем в России. Я не помню точно цифры, но было сравнение по разным странам того, сколько времени уходит на таможенную, оформление. По сравнению со всеми странами Южной Атлантики Россия выглядела как нечто чудовищное. Контраст был очень большой. Россия больше напоминает некоторые центрально-африканские страны, прошу прощения, или некоторые азиатские страны, но никак не ЮАР или Бразилию.

Что касается людей, то при всех разговорах об объединениях, ассоциациях и т.д., похоже, все не любят мигрантов. Это какой-то удивительно общий признак. Причем, хорошо видно, что чем лучше развивается страна... Стало лучше где-нибудь в Ботсване - туда идёт поток отовсюду. Стало лучше в Бразилии - идет поток отовсюду. Его пытаются пресекать, значит, ограничения какие-то появляются. Но они касаются контролируемых пунктов въезда (аэропорт, порт), а сухопутной границы - вероятно, нет.

Из художественных деталей - моя любимая история, в которой я сам участвовал просто глядя с одной стороны на то, как это происходило. Я видел переход из Бразилии в Боливию за косметику. Группа российских граждан возмела непреодолимое желание найти неразвитую часть Южной Америки. Такое иногда бывает - экстрим, так сказать. И они отправились из Бразилии в Боливию. Обычная граница, со всем, что на ней должно быть. Хотя на самом деле ничего на ней не было, кроме вывески «Добро пожаловать!». Плюс имелось консульство. Боливийский консул выдал желаемые визы, не знаю, есть ли что-то подобное в СНГ, но, кажется, у нас до такого демократизма еще не дошли. Помимо денег, кажется, консул, как я понимаю, имел свой транснациональный бизнес по продаже в Боливии бразильской косметики. Поэтому виза была быстро и относительно легко получена фактически в обмен на три баночки крема. Это реальный консул, не какой-то разбойник на границе.

Реплика из зала: Пришлось это купить?

НД: Да, выезжавшие это сделали - раз просят купить баночки, почему же не купить. После чего - мне кажется, это опять-таки говорит о большем демократизме - консул предоставил переезжавшим собственную машину для переезда под этой «аркой дружбы». Можно, наверное, было и пройти, но за баночки могли и довести.

С одной стороны, нелегальную, нежелательную эмиграцию пытаются контролировать. С другой стороны, значительная часть границы у всех этих государств всегда была открыта.

ВЫСТУПЛЕНИЯ:

Савулькин: У меня сложилось такое впечатление, что все крутится вокруг нефти. Если есть источник, то вокруг него все и начинается: делиться, правильно делиться, неправильно делиться, привлекать людей нужных. Второй момент - это активное участие государства во всех процессах. Если мощная экономика, где много источников, которые можно делить, появляются производство самолётов с государственной вывеской, добыча нефти, еще чего-то, и это становится дополнительным источником для дележа. То общее, что я у них увидел, это рентоориентированность и государственное участие во всём, а также обида и зависть, что кто-то обошёл на повороте и не дал развиваться великой державе. Не важно: связано это с действительностью или не связано это с действительностью, но должен быть гипотетический образ врага, образ людей, которые

далеко-далеко, но очень могущественные, которые помогут справиться с этими врагами и поставить их на место. А жизнь – она идёт своим чередом. Это то, что я понял.

Владимир Шеров: Маленькое дополнение, касающееся объективной основы связи в рамках БРИКа. Австралию сейчас я бы не стал брать. Три момента. Интенсивные связи дают возможность продвигать товары не только китайцам. Бразильцы продвигают свои самолёты и в Индию, и насколько я понимаю, в Китае строится филиал ... для строительства на местный рынок. Второй момент. Китай объективно очень заинтересован в Южной Америке как потенциальном источнике сырья и сельскохозяйственной продукции. Поскольку в перспективе он всё более будет превращаться в импортёра и сырья, и продовольствия. А именно в Южной Америке есть свободные земельные площади, ресурсы, резервы для значительного увеличения такого производства. Соответственно, их взаимная связка - на перспективу, она стратегическая. Китай, вероятно, будет инвестировать в Южную Америку, это не только рынок сбыта. Третий момент этого объективного сотрудничества - это переговоры в рамках Всемирной Торговой Организации. Где в рамках того раунда, который ещё длится, самое сильное противостояние - между развитыми и развивающимися странами по поводу продолжающегося субсидирования сельского хозяйства в развитых странах, когда 15 тысяч фермеров-хлопкоробов в США получают такие субсидии, которых хватило бы для прокорма 15 миллионов. Это Вы же мне говорили, Николай Александрович.

НД: Но оценка была не моя.

Шеров: Это позволяет сотрудничать в рамках переговорного процесса, экономическую дипломатию развивать. И они всё-таки добились определённого результата: в Гонконге на декабрьской конференции было достигнуто соглашение, что к 2013 году дотации сельскому хозяйству будут сняты. В переговорах раньше участвовала «группа квадрор»: Япония, США, Канада, Евросоюз. Потом появилась новая «группа квадрор»: США, Евросоюз, Бразилия, Индия. И в этом формате они уже иные переговоры вели, как будто чуть более конфронтационные, но удалось все-таки достичь результата. Объективная основа для сотрудничества есть. Спасибо.

Савулкин: В обмен на это речь идет о либерализации финансовых и страховых рынков. Китай при вступлении в ВТО пошел на либерализацию. Западные банки могут быть представлены не только дочерними компаниями, но и филиалами. И страховые компании. Это серьезные уступки

НД: Я бы только сказал, что, на мой взгляд, перспектива очень туманная именно потому, что очень разные тенденции, и то, что будет ясно в более длительной перспективе, сейчас кажется достаточно туманным. Хотя если речь идёт, например, о банковском секторе, то российские проблемы действительно никому не понятны. Нет идеи о запрете на деятельность иностранных банков ни в одной из упоминавшихся стран. Наоборот, всем кажется, что именно так оно и должно быть. Поэтому наши страдания, по моему, более антиглобалистские, чем у самых яростных антиглобалистов в Южной Америке. Но такой схемы как BRIAC, наверное, не будет никогда. Появление там Австралии очень маловероятно. По крайней мере, в ближайшее время. Относительно России, откровенно говоря, я тоже очень сильно сомневаюсь. Трудно оценивать, но не представляю: Россия-то здесь при чём. А между собой оставшиеся компоненты, действительно, могут найти общий язык, да и находят.